**МРНТИ 10.79.47** DOI: https://doi.org/10.62687/VLJ.3.2.2026.64

# ЗАОЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА И ДИСТАНЦИОННЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

**А.О. Машовец***
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация
*e-mail: okeanovna@me.com

**А.О. Машовец** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, 21, г. Екатеринбург, 620137, Российская Федерация; e-mail: okeanovna@me.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9265-943X

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме соотношения заочной и дистанционной форм уголовного судопроизводства в отношении лиц, скрывшихся за пределами государства и не подлежащих выдаче. Вступление в силу с 7 ноября 2025 года Федерального закона от 27 октября 2025 года № 392-ФЗ, расширившего возможности уголовного преследования указанных лиц, и одновременный отказ конституционного правосудия признать допустимым дистанционный допрос обвиняемого, находящегося в международном розыске, обнажили коллизию между публичной задачей неотвратимости уголовной ответственности и гарантиями состязательности и права на защиту. Цель исследования -- определение пределов допустимости заочной формы и условий допуска дистанционных процессуальных действий; задачи -- анализ российской и казахстанской нормативных моделей, судебных правовых позиций, доктринальных подходов. Методологическую основу составили диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы. Результаты: обоснована парность категорий «заочность» и «дистанционность», выявлена асимметрия обвинительной заочности и защитительной дистанционности, предложена субсидиарная иерархия форм преследования скрывшегося лица. Заключение: заочная форма допустима лишь при доказанной осведомлённости лица о преследовании и при наличии компенсаторных гарантий, включая безусловное право на новое рассмотрение дела; дистанционная дача показаний по ходатайству стороны защиты должна получить нормативное закрепление в законодательстве обоих государств.

**Ключевые слова:** заочное производство; дистанционный допрос; видео-конференц-связь; международный розыск; экстрадиция; состязательность; право на защиту.

# ШЕТЕЛГЕ ЖАСЫРЫНҒАН АДАМДАРҒА ҚАТЫСТЫ СЫРТТАЙ ІС ЖҮРГІЗУ ЖӘНЕ ҚАШЫҚТЫҚТАН ЖҮРГІЗІЛЕТІН ПРОЦЕСТІК ӘРЕКЕТТЕР

**А.О. Машовец***
В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университеті, Екатеринбург қ., Ресей Федерациясы
*e-mail: okeanovna@me.com

**А.О. Машовец** – заң ғылымдарының докторы, П.М. Давыдов атындағы сот қызметі және қылмыстық процесс кафедрасының профессоры, В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университеті, Комсомольская көшесі, 21, Екатеринбург қ., 620137, Ресей Федерациясы; e-mail: okeanovna@me.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9265-943X

**Аңдатпа.** Мақала мемлекет шегінен тыс жерге жасырынған және ұстап беруге жатпайтын адамдарға қатысты қылмыстық сот ісін жүргізудің сырттай және қашықтықтан

жүргізілетін нысандарының арақатынасы мәселесіне арналған. Аталған адамдарды қылмыстық қудалау мүмкіндіктерін кеңейткен 2025 жылғы 27 қазандағы № 392-ФЗ Федералдық заңның 2025 жылғы 7 қарашадан бастап күшіне енуі және конституциялық сот төрелігінің халықаралық іздестірудегі айыпталушыдан қашықтықтан жауап алуды жол берілетін деп танудан бас тартуы қылмыстық жауаптылықтың бұлтартпастығы жөніндегі жария міндет пен тараптардың бәсекелестігі және қорғану құқығы кепілдіктері арасындағы коллизияны айқындады. Зерттеудің мақсаты -- сырттай нысанның жол беру шектерін және қашықтықтан жүргізілетін процестік әрекеттерге жол беру шарттарын анықтау; міндеттері -- ресейлік және қазақстандық нормативтік модельдерді, сот құқықтық ұстанымдарын, доктриналық көзқарастарды талдау. Әдіснамалық негізді диалектикалық, салыстырмалы-құқықтық, формальды-заңдық және тарихи-құқықтық әдістер құрады. Нәтижелер: «сырттайлық» пен «қашықтықтық» санаттарының жұптылығы негізделді, айыптау сырттайлығы мен қорғау қашықтықтығының асимметриясы анықталды, жасырынған адамды қудалау нысандарының субсидиарлық иерархиясы ұсынылды. Қорытынды: сырттай нысанға адамның қудалау туралы хабардар болуы дәлелденген және іс жаңадан қарау құқығын қоса алғанда, өтемдік кепілдіктер болған кезде ғана жол беріледі; қорғау тарапының өтінішхаты бойынша қашықтықтан айғақтар беру екі мемлекеттің заңнамасында нормативтік бекітілуге тиіс.

**Түйін сөздер:** сырттай іс жүргізу; қашықтықтан жауап алу; бейнеконференцбайланыс; халықаралық іздестіру; экстрадиция; тараптардың бәсекелестігі; қорғану құқығы.

## IN ABSENTIA PROCEEDINGS AND REMOTE PROCEDURAL ACTIONS IN RESPECT OF PERSONS WHO HAVE FLED ABROAD

**A.O. Mashovets***
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
*e-mail: okeanovna@me.com

**A.O. Mashovets** – Doctor of Law, Professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation; e-mail: okeanovna@me.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9265-943X

**Abstract.** The article addresses the correlation between in absentia and remote forms of criminal proceedings in respect of persons who have fled abroad and are not subject to extradition. The entry into force on 7 November 2025 of Federal Law No. 392-FZ of 27 October 2025, which expanded the prosecution of such persons, and the simultaneous refusal of constitutional justice to recognize the admissibility of remote interrogation of an accused on the international wanted list, exposed a collision between the public task of inevitability of criminal liability and the guarantees of adversarial procedure and the right to defense. The purpose of the study is to determine the limits of admissibility of the in absentia form and the conditions for allowing remote procedural actions; the objectives are to analyze the Russian and Kazakhstani normative models, judicial legal positions, and doctrinal approaches. The methodology comprises dialectical, comparative-legal, formal-legal and historical-legal methods. Results: the paired nature of the categories of ``absence'' and ``remoteness'' is substantiated, the asymmetry of accusatory absence and defensive remoteness is revealed, and a subsidiary hierarchy of forms of prosecution of a fugitive is proposed. Conclusion: the in absentia form is admissible only where the person's awareness of the prosecution is proven and compensatory guarantees exist, including an unconditional right to a fresh determination; remote testimony at the request of the defense should receive normative consolidation in the legislation of both states.

**Keywords:** in absentia proceedings; remote interrogation; videoconferencing; international wanted list; extradition; adversarial principle; right to defense.

**Введение.** С 7 ноября 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 27 октября 2025 года № 392-ФЗ, изложивший в новой редакции статью 458 УПК РФ: если прежде

направление материалов уголовного дела компетентным органам иностранного государства для осуществления уголовного преследования охватывало лишь иностранных граждан, совершивших преступление на территории России и покинувших её пределы, то теперь этот механизм сделан универсальным: он распространён и на российских граждан, действует как до направления дела в суд, так и после начала судебного следствия (во втором случае решение о передаче принимает суд) и не зависит от того, на чьей территории совершено подпадающее под российскую юрисдикцию деяние. Тем самым законодатель, по существу, завершил формирование нормативного контура преследования лиц, скрывшихся за границей и не подлежащих выдаче, – контура, в котором заочное судебное разбирательство (части 5–7 статьи 247 УПК РФ), заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 5 статьи 108 УПК РФ), приостановление производства и передача преследования иностранному государству выступают звеньями единого механизма реагирования на недосягаемость обвиняемого.

Между тем практически одновременно конституционное правосудие сформулировало правовую позицию противоположной направленности: как указано в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 года № 1840-О, «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает допрос лица, находящегося в межгосударственном или международном розыске, по предъявленному обвинению заочно или дистанционно – с использованием систем видео-конференц-связи вне пределов России», а процессуальные действия на территории иностранного государства производятся её компетентными органами в соответствии с международным договором. Обязанность обвиняемого явиться по вызову следователя, по мысли Конституционного Суда, не предполагает возможности заменить явку видео-конференц-связью, поскольку иное означало бы поощрение злоупотребления правом[1].

Складывается положение, едва ли объяснимое с точки зрения внутренней согласованности процессуальной формы: заочность, освобождающая обвинительную власть от необходимости обеспечивать участие лица в производстве, получает всё более широкое нормативное признание, тогда как дистанционность, позволяющая самому обвиняемому – пусть и опосредованно – реализовать право быть выслушанным, признаётся правопорядку неизвестной. Не свидетельствует ли подобная асимметрия о том, что процессуальная форма в рассматриваемом сегменте развивается в логике преследования, а не в логике правосудия? Ответ на этот вопрос предполагает выяснение действительного соотношения заочной и дистанционной форм, их генезиса и пределов допустимости каждой из них.

Актуальность темы определяется, с одной стороны, устойчивым ростом числа обвиняемых, пребывающих вне юрисдикционной досягаемости российских и казахстанских правоохранительных органов при фактической блокировке экстрадиционных механизмов рядом государств, с другой – отсутствием в доктрине исчерпывающих ответов на вопрос о том, где проходит граница между легитимным заочным преследованием и производством, вырождающимся в одностороннюю обвинительную процедуру. Проблемная ситуация состоит в том, что заочное производство и дистанционные процессуальные действия исследуются в литературе по преимуществу изолированно друг от друга; их системное соотношение применительно к лицам, скрывшимся за границей, остаётся нераскрытым.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при производстве по уголовным делам в отношении лиц, находящихся за пределами государства и не подлежащих выдаче. Предмет исследования – нормы УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан о заочных производствах и дистанционных процессуальных действиях, правовые позиции органов конституционного контроля и высших судебных инстанций, положения международных актов, а также доктринальные подходы российских и казахстанских процессуалистов. Цель исследования – определить пределы допустимости заочной формы уголовного судопроизводства и условия допуска

1

дистанционных процессуальных действий в отношении лиц, скрывшихся за границей. Достижение цели предполагает решение следующих задач: 1) реконструировать генезис заочной формы в отечественной процессуальной традиции; 2) сопоставить нормативные модели России и Казахстана; 3) подвергнуть критическому анализу правовую позицию конституционного правосудия о недопустимости дистанционного допроса разыскиваемого обвиняемого; 4) сформулировать критерии допустимости заочной формы и предложения по совершенствованию законодательства обоих государств.

Гипотеза (тезис) исследования состоит в том, что заочная и дистанционная формы, будучи нормативно противопоставлены, диалектически взаимодополняемы: пределы допустимости заочной формы определяются, во-первых, её субсидиарностью по отношению ко всем формам, обеспечивающим участие лица в производстве, включая дистанционное, во-вторых, наличием компенсаторных гарантий, важнейшей из которых является безусловное право на новое рассмотрение дела в обычном порядке.

**Материалы и методы исследования.** Методологическую основу исследования составил диалектический подход: противоречие между публичным интересом неотвратимости уголовной ответственности и частным интересом лица в реализации права на защиту рассматривается не как подлежащий устранению дефект, а как источник развития процессуальной формы, а парные категории – «заочность» и «дистанционность», «уклонение лица от правосудия» и «недоступность правосудия для лица», «право на личное участие» и «злоупотребление правом» – как инструмент описания этого развития. Именно выведение названных дихотомий в композиционный каркас исследования составляет, по замыслу автора, его оригинальный вклад: каждая из них фиксирует момент перехода количественных изменений нормативного материала (расширение перечней, уточнение процедур) в качественное изменение природы производства.

Формально-юридический метод применён при анализе статей 108, 189.1, 247, 253, 453 и 458 УПК РФ, статей 213, 335, 341 УПК Республики Казахстан, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» в редакции от 9 декабря 2025 года). Сравнительно-правовой метод обращён прежде всего к казахстанскому правопорядку – правопорядку, в котором дистанционный допрос подозреваемого получил прямое нормативное закрепление (статья 213 УПК РК в редакции Закона РК от 16 июля 2025 года № 210-VIII), а заочное главное судебное разбирательство в отношении лица, находящегося вне пределов государства и уклоняющегося от явки в суд, допускается без ограничения категорией тяжести деяния (пункт 2 части второй статьи 335 УПК РК); привлечён также опыт иных государств СНГ. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию заочной формы от Устава уголовного судопроизводства 1864 года через статью 246 УПК РСФСР 1960 года к действующему регулированию.

Эмпирическую базу исследования образуют правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ[2], нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Казахстан по состоянию на 2026 год, положения Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и практика Европейского Суда по правам человека, сохраняющая доктринальное значение стандарта справедливого заочного разбирательства. Исследование осуществлялось в четыре этапа: реконструкция генезиса заочной формы; сопоставление нормативных моделей; критический анализ судебных правовых позиций; формулирование критериев допустимости и предложений de lege ferenda.

**Обсуждение (обзор литературы).** Отправной точкой доктринального осмысления заочной формы в отечественной традиции служит Устав уголовного судопроизводства 1864 года, допускавший постановление заочных приговоров мировыми судьями по делам маловажным при неявке обвиняемого и обеспечивавший последнему право отзыва на заочный приговор. И.Я. Фойницкий связывал допустимость заочного разбирательства именно с

[2]Верховного Суда РФ № 4 (2018).

незначительностью дел и с обеспеченностью восстановительного механизма, подчёркивая, что личное присутствие подсудимого составляет условие правильного отправления правосудия по делам, угрожающим существенным поражением прав (Фойницкий, 1996: 488-490). Советская процессуальная традиция, напротив, исходила из очной формы как из принципа: как отмечает А.С. Тукиев, «очная форма судебного заседания стала одной из отличительных черт советского периода развития уголовного процесса» Казахстана, а рассмотрение дела в отсутствие подсудимого допускалось лишь при нахождении его вне пределов СССР и уклонении от явки в суд (Тукиев, 2007: 35, 50–51). Наблюдаемая ныне экспансия заочных механизмов может быть, таким образом, описана как частичная рецепция дореволюционной конструкции – с той, однако, существенной разницей, что рецепирована заочность, но не сопровождавшая её маловажность дел.

Современная российская доктрина заочного производства складывалась вокруг части 5 статьи 247 УПК РФ, введённой в 2006 году. Т.В. Трубникова рассматривает рассмотрение дела в отсутствие подсудимого в системе упрощённых судебных уголовно-процессуальных производств, настаивая на его исключительном характере и недопустимости превращения изъятия в правило (Трубникова, 2008: 127–133). И.П. Попова предлагает объединяющее понятие заочного механизма принятия итоговых процессуальных решений, охватывающего как судебные, так и досудебные формы реагирования на отсутствие лица (Попова, 2025: 25-29). О.В. Буланова обращает внимание на законодательные проблемы обеспечения конституционных прав граждан при рассмотрении дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в отсутствие подсудимого – сегменте, открытом для заочности Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ и расширенном в апреле 2025 года (Буланова, 2025: 27-33). А.В. Гриненко, исследуя розыск подозреваемого и обвиняемого как предпосылку заочных механизмов, констатирует отсутствие в законе чётких критериев объявления лица в различные виды розыска, вследствие чего суды довольствуются формальным наличием соответствующего постановления (Гриненко, 2024: 25-28). В.Ю. Стельмах анализирует заочное избрание заключения под стражу в отношении лица, объявленного в международный либо межгосударственный розыск, как исключение из общего правила судебного контроля (Стельмах, 2023: 66-79).

В систематизирующей литературе заочное разбирательство характеризуется как изъятие из начал непосредственности, устности и состязательности, оправдываемое лишь невозможностью иного (Курс уголовного процесса, 2017: 897–902; Смирнов, Калиновский, 2020: 541–543). И.Л. Петрухин последовательно связывал допустимость любых изъятий из общих условий судебного разбирательства с сохранением у лица реальной, а не номинальной возможности защищаться, предостерегая от превращения защиты в декорацию обвинительной процедуры (Петрухин, 2009: 55–60).

Казахстанская доктрина располагает, пожалуй, единственным в постсоветском пространстве комплексным монографическим исследованием заочного уголовного судопроизводства – работой А.С. Тукиева, обосновавшего понимание заочности как правового режима, компенсируемого усиленными гарантиями защиты (Тукиев, 2007: 88–94). М.Ч. Когамов в двухтомном комментарии к УПК РК 2014 года раскрывает основания и порядок дистанционного допроса, подчёркивая значение требований к качеству изображения и звука и к информационной безопасности как условий доброкачественности получаемых показаний (Когамов, 2020: 110-130). А.Н. Ахпанов, разрабатывая проблематику процессуального принуждения, настаивал на том, что интенсивность принудительного воздействия должна быть обратно пропорциональна степени обеспеченности прав личности, – положение, имеющее прямое отношение к заочным механизмам, в которых принуждение осуществляется в отсутствие принуждаемого (Ахпанов, 1997: 15–45).

В зарубежной литературе стандарт заочного разбирательства раскрыт прежде всего S. Trechsel: личное участие обвиняемого рассматривается как элемент справедливого судебного разбирательства, а производство in absentia признаётся совместимым с ним лишь при доказанной осведомлённости лица о процессе, недвусмысленном отказе от участия либо

гарантированном праве на новое рассмотрение дела (Trechsel, 2005: 251–256). Указанный стандарт закреплён в подпункте «d» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и развит в практике Европейского Суда по правам человека (постановления по делам Colozza v. Italy, 1985; Sejdovic v. Italy, 2006), сохраняющей для отечественной доктрины значение ориентира сравнительного порядка.

Обзор литературы позволяет констатировать пробел: заочная и дистанционная формы исследуются как автономные институты – первая в контексте судебного разбирательства, вторая в контексте цифровизации следственных действий, – тогда как их соотношение применительно к лицам, скрывшимся за границей, где обе формы конкурируют за один и тот же процессуальный участок, системному анализу не подвергалось. Настоящая статья восполняет указанный пробел, вводя названное соотношение в предмет самостоятельного рассмотрения.

**Результаты.** 1. Заочность и дистанционность как парные категории процессуальной формы. Нормативной отправной точкой служит часть 5 статьи 247 УПК РФ: «в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд», если это лицо не было привлечено к ответственности за границей по данному делу. Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ этот механизм – вопреки его изначальной исключительности – распространён на ряд преступлений небольшой и средней тяжести, а изменениями апреля 2025 года соответствующий перечень вновь расширен за счёт посягательств против безопасности государства. Казахстанский законодатель избрал внешне более лаконичную конструкцию: пункт 2 части второй статьи 335 УПК РК допускает главное судебное разбирательство в отсутствие подсудимого, находящегося вне пределов Республики Казахстан и уклоняющегося от явки в суд, не связывая заочность категорией тяжести деяния; корректирующую роль выполняет часть четвёртая статьи 341 УПК РК, обязывающая суд при исключении оснований заочного рассмотрения приостановить производство и объявить розыск скрывшегося подсудимого.

Что же нормативно противостоит заочности? Дистанционность, то есть такая организация процессуального действия, при которой физическое отсутствие лица в месте его производства не устраняет его процессуального присутствия, опосредуемого техническими средствами передачи изображения и звука. В категориях диалектики дистанционная форма представляет собой снятие заочной: отсутствие сохраняется как факт, но отрицается как процессуальное состояние. Именно поэтому смешение двух форм – нередкое в правоприменительной риторике, где дистанционное участие именуется разновидностью заочного, – методологически несостоятельно: заочная форма исключает волеизъявление лица в реальном времени, дистанционная – на нём основана.

Между тем обе национальные модели дистанционного допроса выстроены строго территориально. Статья 189.1 УПК РФ, введённая Федеральным законом от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ, допускает допрос, очную ставку и опознание путём использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, – то есть предполагает нахождение допрашиваемого в органе расследования по месту его пребывания внутри страны. Статья 213 УПК РК прямо называет подозреваемого в числе лиц, допрашиваемых дистанционно, однако «с вызовом... в орган досудебного расследования того района либо области, города республиканского значения, столицы, на территории которых» допрашиваемый «находится либо проживает»; основания дистанционного допроса перечислены исчерпывающе – от невозможности непосредственного прибытия по уважительным причинам до необходимости соблюдения сроков расследования, – а используемые научно-технические средства должны обеспечивать надлежащее качество изображения и звука и информационную безопасность. За пределами государственной территории в обоих правопорядках остаётся лишь механизм международной правовой помощи: следственные действия производятся компетентными органами иностранного государства по запросу (глава 53 УПК РФ; раздел 12 УПК РК).

Таким образом, обе системы знают дистанционность внутригосударственную и заочность трансграничную, но не знают дистанционности трансграничной. Не означает ли это, что недоступность лица для правосудия закон готов преодолевать заочностью, тогда как недоступность правосудия для лица не преодолевается ничем? Именно в этой точке парность категорий обнаруживает свой критический потенциал: коль скоро дистанционная форма есть снятие заочной, отказ от первой при экспансии второй означает, что законодатель предпочитает производство без лица производству с лицом, присутствующим опосредованно, – предпочтение, которое едва ли может быть объяснено интересами установления обстоятельств дела.

2. Правовая позиция конституционного правосудия: очная явка как условие реализации прав. Поводом к формулированию рассматриваемой позиции послужила жалоба обвиняемого, проживающего, по его утверждению, в Государстве Израиль с момента, предшествовавшего возбуждению уголовного дела: ходатайство о допросе с использованием видео-конференц-связи было следователем отклонено, равно как и ходатайство о приобщении к делу результатов опроса, проведённого защитником на территории иностранного государства с нотариальным удостоверением личности и подписи опрашиваемого; суды сослались на процессуальную самостоятельность следователя, на неустановленность местонахождения лица и на недопустимость дистанционных следственных действий с использованием оборудования и программного обеспечения, не принадлежащих российским правоохранительным органам. Конституционный Суд, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению (определение от 17 июля 2025 года № 1840-О), указал, что УПК РФ не предусматривает допрос находящегося в межгосударственном или международном розыске лица заочно или дистанционно вне пределов России, что по смыслу статей 172, 173 и 189.1 УПК РФ в их взаимосвязи предъявление обвинения и допрос обвиняемого путём использования систем видео-конференц-связи не предполагаются – а потому не предполагается и выполнение данных процессуальных действий в рамках правовой помощи по статье 453 УПК РФ, – и что лицо, желающее реализовать свои процессуальные права, должно соблюдать установленные процедуры, включая очное участие в производстве по делу; иное означало бы поощрение злоупотребления правом.

Не отрицая весомости суверенных оснований приведённой позиции – производство российским следователем допроса на территории иностранного государства помимо механизмов правовой помощи действительно вторгалось бы в чужую юрисдикцию, – следует заметить, что её аргументационное ядро покоится на молчаливой презумпции недобросовестности отсутствующего. Приводит ли сам по себе отказ лица вернуться в государство, осуществляющее его преследование, к выводу об отказе от права быть выслушанным? Едва ли: между уклонением от правосудия и уклонением от явки существует различие, известное и отечественной практике – Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды отличать добровольное ходатайство о заочном рассмотрении от вынужденного, обусловленного препятствиями к участию, – и наднациональному стандарту, разводящему недвусмысленный отказ от участия и простое отсутствие (Trechsel, 2005: 253–254).

Обнаруживается асимметрия, которую предложенные выше дихотомии позволяют выразить с достаточной определённостью: обвинительная заочность – преследование, арест имущества, заключение под стражу, судебное разбирательство и приговор без лица – правопорядком допускается и последовательно расширяется; защитительная дистанционность – дача показаний, представление доказательств, возражение против обвинения без явки – объявляется несуществующей. Уклонение лица от правосудия пресекается; не оборачивается ли при этом само правосудие уклонением от лица? Опасение злоупотребления правом, положенное в основу позиции, обоюдоостро: злоупотребить можно и заочной формой, используя отсутствие лица как удобство доказывания, – на этот риск, применительно к досудебным заочным механизмам, указывает И.П. Попова (Попова, 2025: 25–29).

В то же время возражения практического порядка, приводимые против трансграничной дистанционности, – затруднительность верификации личности допрашиваемого, невозможность удостовериться в свободе его волеизъявления и в отсутствии постороннего

воздействия за кадром, уязвимость каналов связи – не могут быть нивелированы простым указанием на технический прогресс. Они требуют не отрицания дистанционной формы, а её процедурного обеспечения: участия консульских должностных лиц либо компетентных органов иностранного государства в рамках правовой помощи, договорную базу которой для обоих рассматриваемых правопорядков образует, в частности, Кишинёвская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года, прямо предусматривающая возможность использования средств видеосвязи при оказании правовой помощи и вступившая в силу для России с 28 июня 2023 года. Показательно, что казахстанское регулирование, прямо допуская дистанционный допрос подозреваемого, обусловливает его именно гарантиями качества и информационной безопасности (статья 213 УПК РК), – путь, представляющийся более продуктивным, нежели категорическое отрицание.

3. Пределы допустимости заочной формы: субсидиарность и компенсаторные гарантии. Новая редакция статьи 458 УПК РФ позволяет увидеть в российском регулировании трёхзвенную иерархию реагирования на недосягаемость обвиняемого: выдача лица; при её невозможности – передача уголовного преследования компетентным органам иностранного государства (причём если судебное следствие начато, решение о такой передаче принимает суд); и лишь при невозможности либо безрезультатности первого и второго – заочное производство. Заочная форма предстаёт, таким образом, ultima ratio, и именно из этого субсидиарного её положения должны выводиться пределы допустимости.

Обобщение нормативного материала, судебных правовых позиций и доктринальных подходов позволяет сформулировать критерии допустимости заочной формы в отношении лица, скрывшегося за границей:

- доказанность осведомлённости лица о выдвинутом обвинении и о производстве по делу: заочность в отношении лица, не знающего о преследовании, несовместима с правом на защиту при любых процессуальных декорациях;
- доказанность именно уклонения, а не простого отсутствия: нахождение подсудимого вне пределов государства является основанием заочного рассмотрения лишь при исключении законных оснований пребывания за границей – положение, единообразно признаваемое и российской, и казахстанской доктриной (Тукиев, 2007: 91–92; Буланова, 2025: 31-32);
- обеспечение эффективной, а не номинальной защиты, включая право защитника собирать и представлять доказательства, полученные в том числе за пределами государства; с этих позиций трудно признать бесспорным отклонение нотариально удостоверенных результатов опроса, о котором шла речь выше;
- безусловное право осуждённого на отмену заочного приговора и новое рассмотрение дела в обычном порядке (часть 7 статьи 247 УПК РФ) – гарантия, которую казахстанскому законодателю, ограничившемуся общими механизмами пересмотра, следовало бы выразить столь же определённо;
- субсидиарность заочной формы по отношению к дистанционному участию: если лицо ходатайствует о дистанционной даче показаний и её производство возможно посредством механизмов правовой помощи либо консульских учреждений, немотивированный отказ в таком ходатайстве должен рассматриваться как обстоятельство, ставящее под сомнение справедливость последующего заочного разбирательства.

Изложенное позволяет сформулировать предложения de lege ferenda. Российскому законодателю предлагается дополнить статью 189.1 УПК РФ частью, допускающей по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, находящегося за пределами Российской Федерации, его допрос с использованием систем видео-конференц-связи при содействии компетентного органа иностранного государства в рамках правовой помощи либо консульского учреждения Российской Федерации, с удостоверением личности допрашиваемого и фиксацией условий дачи показаний; корреспондирующее уточнение целесообразно внести в часть 5 статьи 247 УПК РФ, обусловив заочное разбирательство предварительным разрешением вопроса о возможности дистанционного участия. Казахстанскому законодателю предлагается дополнить

статью 335 УПК РК критерием подтверждённого уведомления подсудимого о производстве, а статью 213 УПК РК – правилом о дистанционном допросе лица, находящегося за пределами Республики Казахстан, в порядке раздела 12 УПК РК. Наконец, обоим государствам как участникам Кишинёвской конвенции 2002 года целесообразно инициировать развитие её положений в части использования видео-конференц-связи при оказании правовой помощи, что перевело бы трансграничную дистанционность из области доктринальных пожеланий в область действующего договорного механизма.

**Заключение.** В исследовании на основе диалектического и сравнительно-правового анализа определены пределы допустимости заочной формы уголовного судопроизводства в отношении лиц, скрывшихся за границей, и условия допуска дистанционных процессуальных действий. Заочность и дистанционность обоснованы как парные категории процессуальной формы, в которых дистанционная форма выступает снятием заочной: их нормативное противопоставление при одновременной экспансии заочных механизмов и отрицании трансграничной дистанционности образует внутреннее противоречие регулирования, разрешение которого и определяет вектор его дальнейшего развития. Выявлена асимметрия обвинительной заочности и защитительной дистанционности, характерная в равной мере для российского и казахстанского правопорядков; её сохранение сдвигает производство в отношении скрывшихся лиц от правосудия к одностороннему преследованию. Заочная форма охарактеризована как ultima ratio в трёхзвенной иерархии «выдача – передача преследования – заочное производство», нормативно оформленной новой редакцией статьи 458 УПК РФ, и предложены пять критериев её допустимости: осведомлённость лица о преследовании, доказанность уклонения, эффективная защита, безусловное право на новое рассмотрение дела и субсидиарность по отношению к дистанционному участию. Сформулированы предложения по дополнению статей 189.1 и 247 УПК РФ, статей 213 и 335 УПК РК и по развитию договорных механизмов видео-конференц-связи в рамках Кишинёвской конвенции 2002 года.

Перспективы дальнейшей работы связаны с эмпирической проверкой предложенных критериев на материале формирующейся практики заочных приговоров и передачи преследования, с распространением анализа на заочные механизмы досудебного производства – арест имущества, приостановление операций с денежными средствами, заочное заключение под стражу, – а также с разработкой модельных правил трансграничного дистанционного допроса для государств – участников Кишинёвской конвенции. Практическое внедрение результатов возможно как в законотворческой деятельности обоих государств, так и в правоприменении: предложенные критерии допустимости заочной формы операциональны и могут использоваться судами при разрешении ходатайств о заочном рассмотрении уголовных дел уже в рамках действующего регулирования.

**Литература**

Ахпанов, 1997 – Ахпанов А.Н. Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. – Алматы: Жеті жарғы, 1997. – 176 с. [Russ.]
Буланова, 2025 – Буланова О.В. Законодательные проблемы обеспечения конституционных прав граждан при рассмотрении уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в условиях отсутствия подсудимого // Российская юстиция. – 2025. – № 9. – С. 27-33. [Russ.]
Гриненко, 2024 – Гриненко А.В. Розыск подозреваемого, обвиняемого: уголовно-процессуальные аспекты // Российский следователь. – 2024. – № 9. – С. 25–28. [Russ.]
Когамов, 2020 – Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года: в 2 томах. Том 2. Особенная часть. – Алматы: Жеті жарғы, 2020. – 751 с. [Russ.]
Курс уголовного процесса, 2017 – Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с. [Russ.]
Петрухин, 2009 – Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. – Москва: Проспект, 2009. – 192 с. [Russ.]
Попова, 2025 – Попова И.П. Заочный механизм принятия итоговых процессуальных решений в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2025. – № 6. – С. 25–29. [Russ.]
Смирнов, Калиновский, 2020 – Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 784 с. [Russ.]
Стельмах, 2023 – Стельмах В.Ю. Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // Уголовное право. – 2023. – № 8. – С. 66–79. [Russ.]
Трубникова, 2008 – Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 127–133. [Russ.]
Тукиев, 2007 – Тукиев А.С. Заочное уголовное судопроизводство: монография. – Караганда: Карагандинский юридический институт МВД Республики Казахстан, 2007. – 168 с. [Russ.]

Фойницкий, 1996 – Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – 606 с. [Russ.]
Trechsel, 2005 – Trechsel S. Human Rights in Criminal Proceedings. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 611 p. [Eng.]

**References**

Akhpanov, 1997 – Akhpanov, A.N. (1997). Problemy ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Problems of criminal procedural coercion at the stage of preliminary investigation]. – Almaty: Zheti zhargy. – 176 p. [in Russ.]
Bulanova, 2025 – Bulanova, O.V. (2025). Zakonodatel'nye problemy obespecheniya konstitutsionnykh prav grazhdan pri rassmotrenii ugolovnykh del o prestupleniyakh nebol'shoi i srednei tyazhesti v usloviyakh otsutstviya podsudimogo [Legislative problems of ensuring the constitutional rights of citizens when considering criminal cases of minor and medium gravity in the absence of the defendant]. – Rossiiskaya yustitsiya [Russian Justitia]. – No. 9. – P. 27-33. [in Russ.]
Grinenko, 2024 – Grinenko, A.V. (2024). Rozysk podozrevaemogo, obvinyaemogo: ugolovno-protsessual'nye aspekty [Search for a suspect, accused: criminal procedural aspects]. – Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]. – No. 9. – P. 25-28. [in Russ.]
Kogamov, 2020 – Kogamov, M.Ch. (2020). Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Respubliki Kazakhstan 2014 goda: v 2 tomakh. Tom 2. Osobennaya chast' [Commentary on the 2014 Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: in 2 volumes. Vol. 2. Special part]. – Almaty: Zheti zhargy. – 751 p. [in Russ.]
Kurs ugolovnogo protsessa, 2017 – Kurs ugolovnogo protsessa [Course of criminal procedure] / ed. by L.V. Golovko. (2017). – 2nd ed., corr. – Moscow: Statut. – 1280 p. [in Russ.]
Petrukhin, 2009 – Petrukhin, I.L. (2009). Opravdatel'nyi prigovor i pravo na reabilitatsiyu [Acquittal and the right to rehabilitation]. – Moscow: Prospekt. – 192 p. [in Russ.]
Popova, 2025 – Popova, I.P. (2025). Zaochnyi mekhanizm prinyatiya itogovykh protsessual'nykh reshenii v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve [In absentia mechanism for making final procedural decisions in Russian criminal proceedings]. – Rossiiskii sud'ya [Russian Judge]. – No. 6. – P. 25-29. [in Russ.]
Smirnov, Kalinovskii, 2020 – Smirnov, A.V., Kalinovskii, K.B. (2020). Ugolovnyi protsess: uchebnik [Criminal procedure: textbook] / ed. by A.V. Smirnov. – 8th ed., rev. – Moscow: Norma: INFRA-M. – 784 p. [in Russ.]
Stel'makh, 2023 – Stel'makh, V.Yu. (2023). Podsudnost' pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya v ugolovnom protsesse [Jurisdiction in the exercise of judicial control in criminal proceedings]. – Ugolovnoe pravo [Criminal Law]. – No. 8. – P. 66-79. [in Russ.]
Trubnikova, 2008 – Trubnikova, T.V. (2008). Rassmotrenie dela v otsutstvie podsudimogo (zaochnoe proizvodstvo) v sisteme uproshchennykh sudebnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv RF [Trial in the absence of the defendant (in absentia proceedings) in the system of simplified judicial criminal proceedings of the Russian Federation]. – Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. – No. 315. – P. 127–133. [in Russ.]
Tukiev, 2007 – Tukiev, A.S. (2007). Zaochnoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: monografiya [In absentia criminal proceedings: monograph]. – Karaganda: Karaganda Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. – 168 p. [in Russ.]
Foinitskii, 1996 – Foinitskii, I.Ya. (1996). Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 2 [Course of criminal justice. Vol. 2]. – Saint Petersburg: Al'fa. – 606 p. [in Russ.]
Trechsel, 2005 – Trechsel, S. (2005). Human Rights in Criminal Proceedings. – Oxford: Oxford University Press. – 611 p. [in Eng.]